

К проблеме знаковости языковых единиц

Вопрос о знаковой сущности языковых единиц не снимается с лингвистической повестки дня вот уже на протяжении нескольких столетий. Даже тогда, когда он еще не был достаточно четко сформулирован в парадигме языка как знаковой системы, он проявлялся в терминах самых различных философских и языковедческих концепций.

Искусство наименования было одной из актуальных задач античных философов. *Платон* впервые ввел понятие **«правильности имен»**, когда первоначальные языковые звуки, закрепившиеся за соответствующими вещами и отношениями вещей, т.е. получившие свою начальную, первобытную мотивацию, использовались по своему непосредственному назначению.

Изначальная значимость звуков языка, созданная «творцом имен», или языковым «законодателем», постепенно утрачивалась, вследствие использования готовых имен для выражения «неподобных» вещей. Имя переходит из ранга «правильности», точности в ранг **«приближительности»**, неполной копии выражаемой вещи.

Имя становится меткой не одного предмета, а класса предметов, так как люди стали «выражать вещи как с помощью подобного, так и с помощью неподобного» [Платон, «Кратил», с. 675]. Так были намечены три основные проблемы языковой знаковости – **проблема мотивации** и проблема семиотической подвижности языковых единиц или **первичной и вторичной номинации**, и, соответственно, порождающейся за счет этого **многозначности**.

Аристотель много внимания уделял изучению **«соединения и разъединения»** слов, благодаря которым эти слова превращаются в знаки, т.е. несут какое-то знание о выражаемой вещи. Однако знаковая функция слов определяется их принадлежностью к той или иной части речи – имени, глаголу и др., а так же зависит от внутреннего строения, т.е. от их составных частей, которые могут быть значащими или незначащими.

Так, например, «простое имя» как значащая часть речи имеет в своем составе «незначащие части», т.е. компоненты, не имеющие самостоятельного значения, в то время как «сложное имя» может состоять как из значащих, так и незначащих частей [ср. Аристотель, 1984, с. 667-669]. Таким образом, лингвистика обязана прежде всего Аристотелю широким пониманием синтагматических отношений – как: **отношений между самостоятельными знаками речи**, так и **структурных связей их компонентов**, обладающих различной степенью знаковой самостоятельности и соответственно знакового значения. Наметился уровневый подход к анализу языковых единиц. Кроме того, аристотелевский взгляд на язык наводят на мысль, что идея **языкового знака вообще** скорее всего является **лингвистической фикцией**.

Разнофункциональными предстают не только разные части речи (имена существительные глаголы, местоимения и др.), но и подклассы слов внутри одной и той же части речи. В таком случае говорить об абстрактном языковом знаке, значит не говорить ни о чем.

Из великого множества определений языкового знака со времен античности до наших дней представляется свежим и оригинальным определение знака авторами «Грамматики» и «Логики» Пор-Рояля – Антуаном Арно и Пьером Николем, ср.:

«Когда объект рассматривается сам по себе, в своем собственном бытии и наш умственный взор не обращается на то, что он может представлять, имеющаяся у нас идея этого объекта является идеей вещи, как, например, идея Земли, Солнца. Когда же некоторый объект рассматривают только в качестве представляющего какой-то другой объект, его идея является идеей знака и этот первый объект называют знаком. Так обычно смотрят на географические карты и на произведения живописи. **Знак заключает в себе**, таким образом, **две идеи: идею вещи представляющей и идею вещи представляемой**, и сущность его состоит в том, чтобы называть вторую посредством первой» (выделено мной – А.И.Ф) [Зубкова, 1999, с. 29-30].

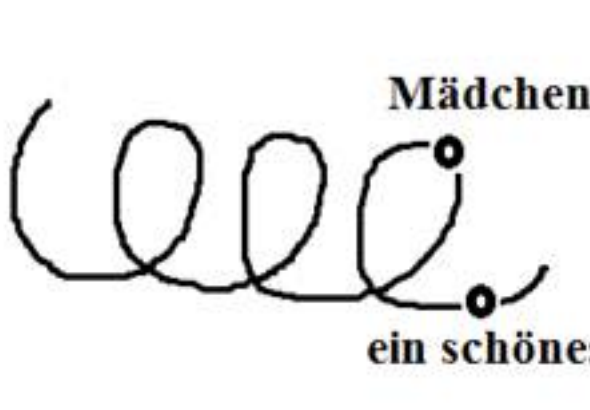
Позднее структурное языкознание утопило понимание знака как представляющей вещи, **обладающей собственной идеей**, в размытых де Соссюровских терминах означающего и означаемого, где означающему была уготовлена судьба пустой акустемой оболочки для означаемого; а означаемое сводилось полностью к языковому содержанию – все в строгом соответствии с унитаральной концепцией языкового знака [см. об этом Фефилов, 1997, с. 3-34].

Конечно, проблему знаковости следовало рассматривать шире, а именно как соотношение **обозначающего и обозначаемого**, в котором обозначающее должно рассматриваться как неразрывное двустороннее единство языковой формы и языкового содержания, а обозначаемое – как внеязыковое, понятийное содержание, подлежащее выражению с помощью обозначающего. Неприятие такого толкования семиотических отношений даже для последователей билатеральной концепции языкового знака можно объяснить лишь трудностью понимания того, как соотносятся друг с другом в репрезентативном акте **значение знака как языковая категория и понятие как мыслительная категория**, имеет ли языковая значимость что-то общее с неязыковой значимостью.

Мы привыкли к таким критериям языкового знака как «линейный характер означающего», ср. «Означающие, воспринимаемые на слух, располагают лишь линией времени: их элементы следуют один за другим, образуя цепь» [Соссюр, 1977, с. 103]. Линейность характерна также для синтагматических компонентов, ср.: «Слова в речи, соединяясь друг с другом, вступают между собою в отношения, основанные на линейном характере языка, который исключает возможность произнесения двух элементов одновременно» [там же, с. 155].

Интересно заметить в этой связи, что идея линейности почему-то не распространилась на значимую сторону языкового знака. Сегментация семантического содержания языковых знаков происходила не по горизонтали, а по вертикали. Структура значимых элементов языкового знака стала представляться преимущественно парадигматичеки, в виде иерархий семантических компонентов, ср. архисемы, классемы, дифференциальные или дистинктивные семы и т.п. Для построения семантической вертикали оказалась достаточной ***аналогия сегментизации*** потока звуков (расчленение означающего на формальные элементы) и сегментации речи на единицы языка (морфемы, слова, предложения).

При ближайшем рассмотрении «линейности языковых знаков» с учетом, как означающей, так и означаемой стороны, приходим к выводу, что линейная последовательность слов в синтагматической цепи не обязательно должна совпадать с их временной семантической последовательности, ср. *ein schönes Mädchen*.

В данном примере значимые признаки языкового знака способствуют тому, что процесс номинации и сопутствующий ему процесс морфематизации (*Mäd-chen*) предмета предшествует номинации и морфологизации признака этого предмета (*ein schön-es*). Это не противоречит логике восприятия. Сначала воспринимается предмет, а затем выявляются его признаки. Исходным предметом мысли может стать и признак. Тогда, подчиненные ему другие признаки выступают как признаки признаков, ср. *гневный голос*. Однако очевидно, что конечному «линейному» речевому оформлению мысли предшествуют отнюдь **нелинейные** (условно **спиралеобразные**) **промежуточные процессы объективации мысли в языковом сознании**.

Возвращаясь к проблеме сегментации потока речи на языковые единицы, следует отметить одну интересную закономерность, отмечаемую лингвистами различных поколений. В частности, при анализе «материальной стороны языка», точнее ***протяженности языкового выражения***, создатели «Грамматики» Пор-Рояля отмечают **«стремление людей сократить длину фраз и оборотов речи»**. Благодаря этому стремлению образуются, по их мнению, наречия из сочетаний имен с предлогами, а также глаголов из сочетания связи с атрибутом, что, кстати, подтверждено историческими исследованиями различных языков, в том числе и русского, ср. наверху – наверху, он есть спящий – он спит [ср. Зубкова, 1999, с. 36].

Выдающийся русский лингвист Александр Матвеевич Пешковский в одной из своих работ, посвященной проблеме понимания, указывает на то, что **«точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее бессловесной подопывки»** [Пешковский, 1959, с. 58]. Понимание и экономия языковых средств во фразе становятся возможными благодаря **«общности обстановки»** (что сегодня обыкновенно связывают со знанием речевой ситуации) и **«общности предыдущего опыта»** участников общения.

А.М. Пешковский не отвечает прямо на вопрос, почему так происходит – почему, чем меньше слов в речи говорящего, тем больше понимания со стороны слушающего. Очевидно это происходит, потому что становится значительно шире референциальный охват языкового знака, используемого в «экономной» речевой цепи, и для слушающего представляется больше свободы выбора в смысловом поле (хотя не исключено, что любое понимание объективно сопровождается определенным недопониманием). Слишком дифференцированное референциальное поле – это дополнительные смысловые связи, которые должен «расшифровать» слушатель или читатель.

Кроме того, каждое дополнительное слово во фразе ассоциирует свое семантическое поле и может, таким образом, увести воспринимающего от понимания «запрограммированного» смысла. Мы недооцениваем в этой связи «негативное» влияние языковой системы, складывающейся, выражаясь словами великого российского лингвиста Николая Хабданка (Николая Владиславовича Крушевского), из отношений **«ассоциаций по сходству»** и **«ассоциаций по смежности»** [ср. Алпатов, 1999, с. 118], которые, хотя и автоматизируют нашу речь, могут и завести в смысловые дебри непонимания. Можно предположить также, что образовавшиеся в результате усечения фразы акустемные пустоты, не обусловливают образование семантических пустот.

Процессу линейного усечения языкового знака противостоит **процесс** развертывания или **«распространения»** слова в речевой цепи. Для обозначения одного какого-то понятия вместо симплексного знака используется **комплексная языковая единица**, например, вместо простого слова – словосочетание или предложение, ср. «Законы наших языков часто заставляют нас обозначать материальный предмет словосочетанием» [Уорф, 1960, с. 144]. Не зря в лингвистике появились такие понятия как **«полупредикативные номинативные единицы»**, ср. «тот, кто получает пощечину» [Журавлев, 1982, с. 92], **«однословная и несколькословная пропозитивная номинация»** [Уфимцева, 1980, с. 45]. Считается, что аналитическое наименование в виде синтагмы, ср. *храбрый человек* (вместо *храбрец*), *den Sieg davontragen* (вместо *siegen*) **«воспроизводит смысловое содержание в нерасчлененном виде, представляя предмет и признак или действие и его объект слитно»** [Чесноков, 1979, с. 129]. К тому же, распространение или замещение, например, имени существительного придаточным предложением, или атрибутом в речевой цепи – это **коррекция его знаковой функции** с помощью контекстуальных уточнителей, фиксирующим соотношение именуемого предмета с другими предметами и признаками.

Если принять во внимание различные знаковые функции слова как языковой и речевой единицы, а именно номинативную и репрезентативную функцию, то можно сказать следующее.

Номинативная знаковая сущность слова проявляется в соотношении слова с предметом мысли, с одной стороны, и с рядом тематически родственных, соположенных, единиц языкового сознания, ассоциирующихся по сходству звучания, структуры и значения, а также, – по смежным синтагматическим отношениям, с другой стороны.

Репрезентативная знаковая сущность слова дает ему возможность развертываться в любое словосочетание или предложение, чтобы наиболее полно и эксплицитно представить определенное мыслительное содержание, организованное как вертикально (парадигматически), так и горизонтально (синтагматически).

Если слово как единицу языка считать **специальным знаковым конденсатом** полупредикативного словосочетания, независимо от того, где лежат истоки его полупредикативности, – в номинационно- или ассоциативно-семантической сфере, ср. *учитель* = тот, кто учит кого-то; *врач* = тот кто лечит кого-то; то слово в составе фразы как речевую единицу следует уже рассматривать как часть («осколок»), т.е. **знак какой-то усеченной более крупной языковой/речевой единицы**.

Распространенное же слово, или синтагму как единицу речи можно рассматривать как **знак, способный заместить более мелкую речевую единицу** во фразе. При этом отдельное слово и синтагма как две различных акустемных структуры будут соотноситься с единым «означаемым», т.е. с одной и той же семантической структурой. Слово в отличие от синтагмы «вызывает» семантическое содержание лишь в более конденсированном виде, т.к. многие структурно-контенсиональные компоненты представляемой семантической цепочки не получают на номинационно-синтагматическом уровне яного, эксплицитного выражения в виде специальных акустемных формантов.

Итак, языковая единица может выступать в функции знака другого (большого или меньшего) языкового или речевого знака, т.е. как знак знака более высокого, или наоборот, низкого уровня, ср.:

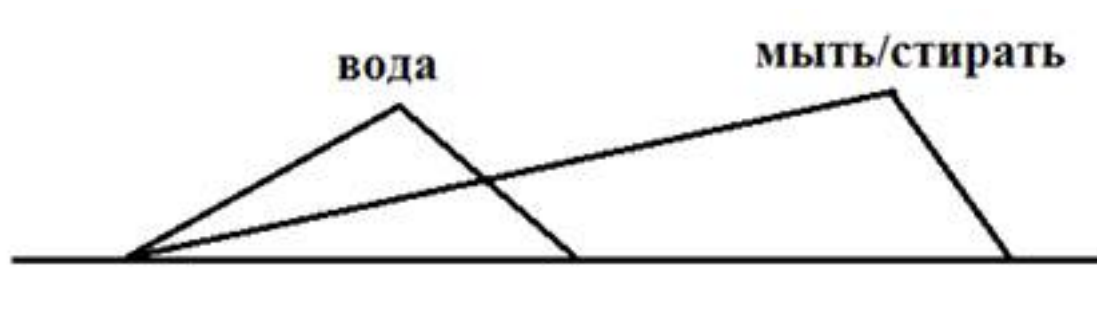
- Поставь **воду** на **газ**!*

где «воду» = «кастрюлю/ведро... с водой», «на газ» = «на газовую плиту».

- Это был **героический поступок**.*

где «героический поступок» = «героизм».

Не исключены в языке и случаи, когда понятие об одном и том же предмете действительности может объективироваться различными знаками, например, именами существительными и глаголами, причем на глубинном, структурно-семантическом уровне, ср.

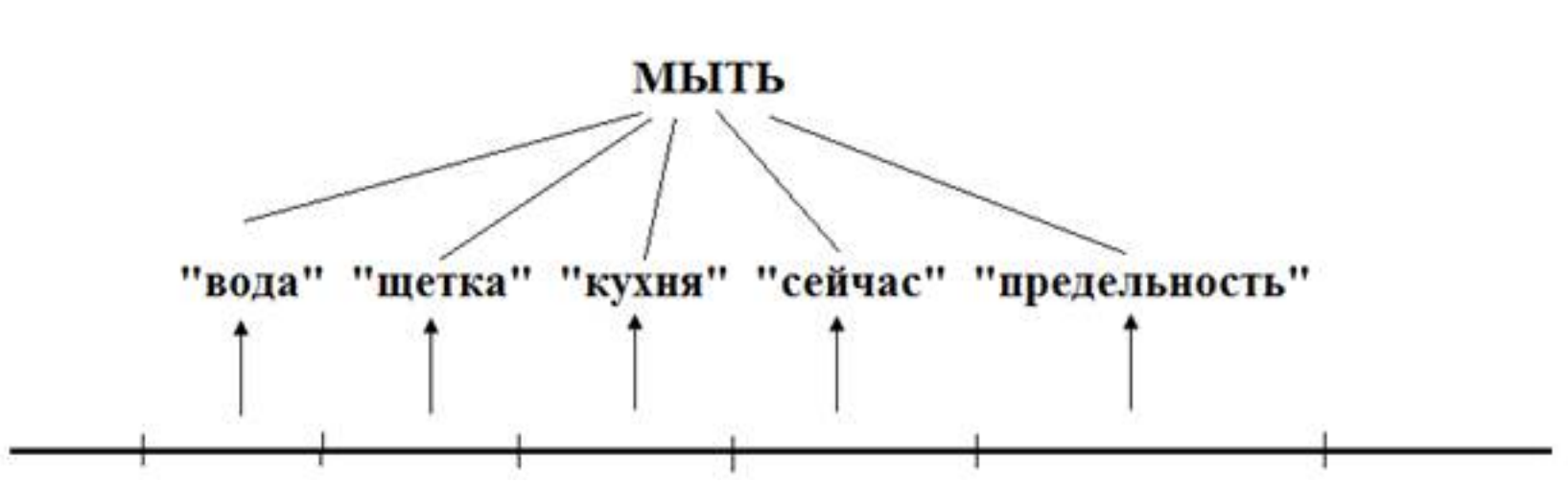

Глагол, традиционно относимый к классу нереферентных знаков, семантическим ядром которого считается отношение, имплицитно указывает на соотносимые референты. Так, в предложении *Помой посуду!* ***помыть*** включает не только абстрактное действие «сделать чистым», но и более конкретные действия, такие как «полюскать», «смыть», «чистить», которые в свою очередь ассоциируют целый ряд предметов – «вода», «щетка», «средство для мытья» и т.п.

Интерпретация продемонстрированного выше явления может быть двоякой:

- Глагол-предикат ***помой*** объективирует комплексное действие или целую ситуацию, в которой задействовано множество предметов. Последние представлены в семантической структуре глагола-предиката имплицитно. Эксплицитное выражение на номинационном уровне получает лишь само акциональное отношение, а также наслаивающееся на него прагматическое отношение волюнтаристности, объективированное на грамматической поверхности формантами императива.
- Глагол-предикат как речевой знак является комплексным, сложным знаком, так как выступает в качестве семантико-синтаксического знака целого ряда невыраженных явно, имплицированных знаков, таких как: ***вода, щетка, средство для мытья*** и т.п., т.е. имен инструментальных предметов. Кроме того, он замещает имплицитные знаки локальных предметов, ср. ***на кухне, в раковине*** и т.п. Сюда следует подключить имплицитные знаки гипотетического времени действия, его предельности/непредельности в пространстве и времени, ср. ***сегодня, завтра*** (настоящее или будущее время действия), ***вымыть*** (действие, стремящееся к завершению и достигающее своего предела).

Все указанные смыслы осознаются говорящим или слушающим. Иначе говоря, прежде чем стать доступными для концептуального сознания, они пропускаются через коридоры языкового сознания. Пониманию концептуальному предшествует, таким образом, понимание языковое. А это означает, что данные предметы и признаки референциального уровня **имплицитно номинализируются**, ср.

Кстати, глагол ***мыть*** замещает целый ряд имплицированных акциональных наименований, ср.: ***пойти на кухню, взять щетку, открыть кран, пустить воду, налить средство*** и др.

В целом ***мыть*** выступает здесь как **знак совокупности языковых и/или речевых знаков**. Спрашивается, почему не только речевых, но и языковых знаков? Ответ достаточно прост – с помощью концептуального сознания можно охватить мысленным взором всю совокупность конститутивных, микроструктурных признаков отражаемого предмета, а также его функциональные макроструктурные связи с другими предметами, не зная все это выразить «рядом», линейно, последовательно только с помощью организованного по правилам говорения потока речи. Побочные, парадигматические по характеру ассоциации всегда будут сопутствовать любому высказыванию. Прагматический сектор языкового сознания стремится организовать в речевую структуру. Однако этот процесс бесконечен и неэкзономичен.

Можно сделать вывод, что любая единица языка способна выступать в качестве **метазнака другой языковой или речевой единицы**. Благодаря метазнаковости языковой системы становятся возможными такие процессы как **«внутриязыковой перевод»** или **парафразирование, синонимическая замена, варьирование** или использование различных языковых и речевых средств для описания одного и того же понятийного комплекса и соответствующей ему объективной действительности.

В качестве примера можно привести и так называемые процессы **синтаксического компримирования** в немецком языке, в результате которых образуются атрибутивные конструкторы и сложные слова, ср. *ein Haus mit elf Geschossen* – *ein elfgeschossiges Haus* – *ein Elfgeschoss* [см. Wortschatz, 1987, с. 301].

Особо следует остановиться на **аккумулятивной функции речевых знаков**. Этой функции речевой знак обязан процессам **речеконтекстуального предцирования** – семантического уточнения, расширения. Так например, предцируемое слово может значительно расширить рамки своей знаковости, сообщая дополнительные информативные смыслы и контенсиональные признаки обозначаемого предмета, ср. *Der Kellner watschelt über den Saal* (*Официант идет по залу, грузно переваливаясь с боку на бок, словно утка*), где субъектное имя *Kellner/официант* предцируется со стороны глагола-предиката *watschelt* такими содержательными признаками как «отягощенный телом», «плоскостопный» или «сердечно больной».

В рамках синтагмемного знака не все его компоненты являются равноправными. Некоторые из них предстают абстрактными, т.е. **контенсионально опустошенными**. Как правило, глаголы в таких сочетаниях выполняют какую-нибудь связочную функцию, например, относят обозначаемое действие к какому-то временному плану или пространственно-временному аспекту, ср. *Он провел анализ* (= проанализировал), где ***провел*** сообщает о временном плане прошлого и аспектуальном значении достигнутого предела. То, что проведенная работа называется анализом, мы узнаем благодаря речевому знаку в позиции прямого объекта. Этот знак несет основную информативную нагрузку, является приоритетным для понимания. На нем как бы снимается смысл высказывания.

В связи с данной особенностью функционирования значимых компонентов внутри комплексного знака напрашивается аналогия с помощью которой можно несколько иначе взглянуть на так называемые «незначимые» компоненты языкового знака – отдельные звуки или слоги в составе значимого языкового знака.

Если, как показал анализ, частичный знаменательный знак, например, слово замещает более крупный языковой знак в акте обозначения, например, синтагму, то почему бы не допустить, что это правило универсально и может быть применено аналогичным образом в области фонетического состава языковых единиц, а именно: звук может перенимать на себя функцию фонетической цепочки. Предположим, что смысл закрепляется не за целой словесной акустемой, а лишь за отдельными звуками слова. Например, в русском языке слог *со-* не имеет значения. Если к нему добавлять такие звуки как *-р, -ль, -н, -к*, мы получим ряд осмысленных слов: *сop, соль, сон, сок*. Благодаря той же линейности знака **смысл этих слов как бы снимается на их звуковом исходе**. Означает ли это, что семантизируется не весь фонемный состав слов, а лишь их конечные фонемы?

Если мы ответим положительно на данный вопрос, то нам следует внести в интерпретацию существенную добавку. Обозначаемый смысл сосредоточивается на фонемном исходе слова только благодаря слоговой дистрибуции «слева». Кроме того, смысл не закрепляется «навечно» за данными звуками, т.е. является преходящим, непостоянным, ср. *мо-р, мо-ль, то-н, то-к*, где в позиции акустемного исхода находятся те же звуки, но снимают они уже совершенно другие смыслы.

Таким образом, данные звуки представляют собой **образец чистой инструментальности, лишенной каких-либо признаков дополнительности**.

Приведенная аналогия «не срабатывает» по отношению к фонетическому составу слова. Однако она помогает более четко увидеть семантическую загруженность знаменательных языковых знаков, их смысловую баластность, семантическую инерцию. Она помогает более доказательно подойти к выводу о том, что знаменательные языковые знаки, в частности, слова и словосочетания, обладают собственным языковым значением, которое не следует смешивать с обозначаемым понятийным содержанием. Следует разделять термины **«означаемое»** и **«обозначаемое»**. Первый термин относится к **языковой категории**. Второй – к **мыслительной категории**.

Языковые знаки, относящиеся к различным и даже к одинаковым классам вокабуляра не могут быть полностью **неоднородными по стратификации своей семантической структуры**.

Так например, контенсионально наполненный, семантически самодостаточный глагол в позиции предиката (ср. *Собака лает, Мальчик бежит, Студент работает, Батарея греет, Сосед построил дачу, Брат порезал руку*) может быть стратифицирован более или менее полно по следующим уровням семантической структуры:

- релятив**, ср. «осуществляет», «выполняет», «проводит», «производит»;
- акционал**, ср. «лай», «бег», «работа», «прогревание», «строительство», «порез»;
- акцентив**, ср. -, -, «тепло», «дачный дом», «рана». На **релятивный признак** глагольно-предикатной структуры приходится функция утверждения, которую, согласно грамматической традиции, можно назвать предикативной функцией. Данный признак не мыслим без темпоральной и аспектуальной категоризации, ср. «осуществляет» («настоящее», «непредельное»), «осуществляя» («прошедшее», «непредельное»), «осуществил» («прошедшее», «предельное») и т.д.

Акциональный признак выполняет функцию сообщения, т.е. информирует непосредственно о том, какое действие совершается, в каком состоянии находится субъект или объект, с помощью каких средств и инструментов это действие осуществляется.

Акцентивный признак сообщает об объекте, который подвергается воздействию; о результате действия; создаваемом признаке объекта или фактitive. Как видно, этим типом семантической стратификации обладают лишь переходные глаголы.

У непреходных глаголов акциональный признак в принципе совпадает с акцентивным, ср. Он работал = Он выполнял работу. Здесь собственно действие мыслится как объект. У переходных глаголов объект как признак является внешним, выведенным за рамки семантической структуры, но подразумеваемым.

Несколько иные уровни семантической стратификации обнаруживают имена существительные (*учитель, врач, посылка, чтение, покраснение, расчесывание*). Их семантическая знаковость включает следующие семантические компоненты, которые в зависимости от типа существительного имеют различную значимость для восприятия обозначаемого предмета, действия или признака, ср.:

- Категорему**, ср. «тот, кто», «то, что».
- Релятив**, ср. «осуществляет, выполняет»; «осуществляется, выполняется».
- Акционал**, ср. «обучение, преподавание»; «прием, лечение»; «отсылка, получение»; «прочтение печатной или компьютерной продукции»; «появление красных пятен»; «выравнивание, приведение в порядок с помощью расчески».
- Объектив**, ср. «ученики, слушатели», «больные, пациенты», «клиент», «книга, файл», «тело, кожа», «волосы».
- Инструментив**, ср. «язык, доска, мел, книга, компьютер и т.п.», «лекарства, препараты, лечебные кабинеты, инструменты», «оборотная бумага, ящики», «глаза, очки, кодоскоп», -, «расческа, гребень».
- Локатив**, ср. «класс, аудитория», «поликлиника, больница», «почтовое отделение», «за столом, в классе, на диване», «на поверхности кожи».

Кроме проинтерпретированных выше, у ряда имен существительных могут более или менее четко проявляться и такие стратификационные семантические признаки как:

- Темпоратив**, ср. «обычно ночное время», напр.: *сторож, звезды, луна*; «определенное время года, месяца, недели, дня», напр.: *вспашка, сев, праздник, зарплата, отдых, завтрак, сон, трава, снег*.
- Квалитатив**, ср. «сладкий, горький, кислый», напр.: *варенье, кефир, лимон*; « глубокий, мелкий», напр.: *океан, лужа*.
- Квантитатив**, ср. «единичность, единственность», напр.: солнце, луна, небо; «определенное или неопределенное множество», напр.: *двойня, триада, плеада, горох, лес, листва*.

Однако, сравнивая семантическую стратификацию глаголов и имен существительных, приходим к выводу, что оба типа языковых знаков обнаруживают определенное сходство, или своего рода **изомемию**. Об этом свидетельствует наличие в их структуре одинаковых или однотипных признаков. Правда, аналогичные признаки объективируются по-разному, одни – эксплицитно, другие – имплицитно. Их главное различие заключается в приоритетах акустемизации и номинализации исходных, ядерных признаков, а именно: «релятивности» и «субстанциальности».

Другой аспект языковой знаковости имеет прагматический характер. Иначе говоря, он связан с **прагматической семантикой**, понимаемой нами широко как выражение волюнтаристности говорящего, его субъективного стремления, оценки обозначаемого фрагмента действительности, оценочной и экспрессивной семантики языкового и речевого знака и т.п. Становимся кратко лишь на некоторых примерах оценочной семантики.

Оценка может стать неотъемлемым признаком языкового, в частности, лексического знака. Это подтверждают многочисленные примеры, ср. *морда, рожа, паршивец, подлец, дурак, дурачок, замечательный, превосходный, блистательный, лебезить, восхизяться, ужасно, хорошо*.

Оценочные смыслы могут формироваться в синтагматическом отношении компонентов составного языкового знака, ср. *братский союз, фашиствующие элементы, безумные идеи* (где оценка определяющего слова переносится на определяемое слово) или в более широком экстралингвистическом контексте, ср. *распад Союза, перестройка, ваучер, задержка зарплаты, приватизация природных богатств страны*.